

Анна Семендяк

Закулисная драма

12+

Анна Семендяк
Закулисная драма

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Семендяк А. Ю.

Закулисная драма / А. Ю. Семендяк — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Театр, сцена, актеры, роли, Шекспир... При чём здесь частный детектив Фокс, который расследует убийства и загадочные преступления вместе со своим племянником и, по совместительству, помощником, Джонни? Ответ на этот вопрос - на страницах книги. Вместе с героями Вы узнаете, какие секреты и страшные тайны могут скрываться за театральными кулисами. Примечания автора: это первый роман о приключениях детектива Фокса и его неунывающего племянника/помощника/юмориста Джонни Траста. Если Вам будет интересно - с радостью опубликую продолжение.

Анна Семендяк

Закулисная драма

Глава 1

Утро субботы выдалось пасмурным. Несмотря на то, что рассвет наступил более часу назад, небо было затянуто тучами и сквозь плотную завесу не пробивался ни единый солнечный луч. Джонни сонно зевнул и машинально отправил в рот кусочек пирога. Он рассеянно следил за тем, как по стеклу бежали струйки дождевых капель и пытался левой рукой нашарить на столе стопку утренних газет. Когда же рука наконец наткнулась на искомое, он удовлетворенно зевнул, взял верхнюю и опустил взгляд на передовицу. Вернее, на то, что от нее осталось. Джонни, конечно, был не то что бы в своей лучшей форме и бодром расположении духа, но даже в своем сонном состоянии понял, что с газетой явно что-то произошло. Ибо несчастному бумажному изделию чья-то жестокая рука сделала липосакцию, вырезав почти из каждой страницы по лоскутку. Около минуты Джонни понадобилось, чтобы сложить два плюс два (в итоге у него почему-то получилось 5 целых и три десятых с поправкой на ветер, но это уже нюансы) и сообразить, что газета сама себе хакари не сделает, а потому виновника преступления следует искать среди особей с руками и способностью держать в этих руках ножницы. А так как в доме помимо Джонни жил лишь один человек (не считая проходящей и уходящей уборщицы), то все нити вели лишь в одном направлении.

– Фокс, – пробормотал себе под нос Джонни, медленно сворачивая газету в трубочку. Его обуял праведный гнев и жажда мести за ни в чем не повинную газетку, а потому, допив оставшийся на дне чашки кофе и захватив скрученную в трубочку жертву преступления, Джонни встал из-за стола и отправился вершить правосудие. Голубоглазый блондин, роста выше среднего и атлетического телосложения, сейчас, поднимаясь по ступенькам и стараясь как можно громче при этом топтать, он являл собой миниатюру "Аполлон в гневе". Распахнув дверь в комнату своего дяди и по совместительству патрона, наш карающий олимпиец провозгласил:

– Я требую объяснений!

Фокс, сидящий по-турецки на полу в центре комнаты повернул голову в сторону двери. На нем был домашний синий халат, накинутый поверх пижамы, но выглядел он бодро и весьма жизнерадостно, его черные усы, слегка покрученные кверху, выдавали улыбку, которую он тщетно пытался скрыть. На лицо были явные улики свершенного преступления – ковер на полу был усеян вырезками из газет, которые описывали своеобразный круг около Фокса. Сделав вид, что не расслышал племянника, он спросил:

– Ты почему все еще дома? Я же просил тебя выехать пораньше.

– Сейчас только начало восьмого, а репетиция начнется не раньше девяти. И вообще, я для начала хотел все же ознакомиться с обстоятельствами дела, прежде чем ехать с расспросами на место преступления.

– Так в чем же проблема? – Фокс вопросительно вскинул левую бровь.

– В этом! – Джонни помахал газетой перед Фоксом. – Вы тут решили на досуге организовать кружок фигурной резки по бумаге?

– А, ты про газеты... – проговорил Фокс, будто только сейчас поняв, чего от него хочет племянник. Но улыбка на его хитроушей физиономии выдавала сыщика с головой. Он встал на ноги, слегка разминая при этом затекшие конечности. Стоя в полный рост, Фокс был почти на голову выше Джонни, при том, что в последнем было не меньше 180 см. Повертев головой из стороны в сторону и сделав пару наклонов вперед-назад, Фокс с удовольствием выдохнул. Худощавый, смуглый, черноволосый, он был бы полной противоположностью Джонни, если бы

не глаза, ярко голубые, как и у племянника, унаследованные последним от матери. – Прости, мне нужна была кое-какая информация.

– Но зачем же было кромсать газету?

– Мне нужна была полная картина, потому я нуждался во всех статьях, что хоть как-то касались этого дела.

– Что ж, раз уж у меня теперь нет никакой возможности ознакомиться с информацией, может быть вы меня немного просветите? И да, почему мы снова полиции помогаем, скажите на милость? Они там сами уже ни на что не способны? – Джонни все еще был зол на Фокса за испорченное утро, которое и без того было не самым радужным.

Последние пару вопросов Фокс благополучно проигнорировал и решил сразу перейти к обстоятельствам дела:

– Располагайся и слушай, – Фокс указал рукой на кресло, а сам сел на предварительно застеленную кровать. Что-то, а чистоплотность была у Фокса в крови, – убийство произошло...

– Погодите минутку, – перебил его Джонни. – Я сбегая за органайзером...

– Даже не думай об этом! – воскликнул Фокс, – Дался тебе этот твой организер, на новомодные штуковины нет времени. Возьми на тумбочке блокнот и ручку и записывай за мной все детали. Хоть раз поработаешь по-старинке.

– Неандерталец, – пробурчал себе под нос Джонни, настолько тихо, что Фокс смог сделать вид, что не услышал слов племянничка. Тем не менее, Джонни послушно поплелся к тумбочке и, взяв необходимые письменные принадлежности, поудобнее устроился в кресле и приготовился слушать.

– Итак, – начал Фокс, сложив скрещенные пальцы рук на груди. – Это произошло позавчера, в четверг, 17 сентября, около 11 часов вечера. Сторож театра совершал свой обычный обход. Начинает он обход всегда с подсобных помещений, а именно с актерских гримерных. Именно там иногда можно обнаружить лежащее среди костюмов тело, не подающее признаков жизни.

Джонни вопросительно поднял брови и взглянул на Фокса.

– Не мертвое тело, конечно, – пояснил он, – а до смерти упившееся. Среди людей творческих увы, иногда распространен данный, кхм, недуг. Так вот, тем поздним вечером сторож уже благополучно обошел все актерские гримерки и, к счастью, ни одного артиста в подпитии не обнаружил. Все к тому времени успели разойтись по домам. Здание театра закрывается около девяти, последний выходящий оставляет ключи на вахте, предварительно указывая время ухода и ставя свою подпись. Что, конечно же, нам только на руку.

– Уходящий оставляет там свой ключ от гримерной?

– Не только от гримерных, но и от костюмерных, а так же, самое главное – от сцены. Именно ключ от сцены представляет наибольшую ценность, так как он у них – один.

– Неужели они там у себя в театре никогда не слышали слова "дубликат"? – проворчал Джонни.

– В том то и дело, что ранее у всех имелась копия ключа от основного зала, но, как я уже говорил, люди творческие склонны иногда не контролировать своих действий и во хмелю пускать на сцену кого ни попадя и творить не совсем приличные дела. Потому, во избежание повторения подобных случаев, все дубликаты были у труппы отобраны и утилизированы, а ключ от сцены остался в одном единственном экземпляре.

– Могу поспорить, что у сторожа, на всякий пожарный, дубликат ключа все же имеется.

– Конечно имеется, но вряд ли кому-то из труппы это известно. Так вот, о чем это?... Ах да, сторож обошел все гримерные, костюмерные, буфет, коридор и лестничные клетки и, не обнаружив там признаков жизни, двинулся наконец к дверям, ведущим в зал.

– Он прошел через центральную дверь? – спросил Джонни, делая пометки в блокноте. Он настолько свыкся с органайзером, что листок с пометками сейчас являл собою хаотичный набор разных слов и словосочетаний, и Джонни искренне надеялся, что ему удастся разобрать свои китайские иероглифы впоследствии.

– Да. Я понимаю, к чему ты спрашиваешь. Конечно, на сцену есть также два закулисных выхода, они расположены с двух сторон и ведут в коридоры с гримерными и костюмерными. Но ключи от этих дверей находятся на той же связке, что и ключ от центрального входа, потому сторожу не было необходимости проверять какую-либо из этих дверей.

– Ага, значит, не известно, были ли эти двери закрыты?

– Сторож утверждает, что были. – Фокс недовольно насупил черные брови и подкрутил усы, что выдавало его нетерпение. – Может быть, ты перестанешь меня перебивать и дашь мне наконец перейти к сути дела?

– Конечно, босс, – примирительно ответил Джонни, но по нему было видно, что задавать вопросы он все равно не перестанет.

– Сторож открыл центральные двери своим ключом, но, еще не войдя в зал, очень удивился тому, что на сцене горел свет. В такое время в здании обычно стоит кромешная тьма, а обход сторож совершает с фонариком, зажигая лампы лишь в случае крайней необходимости. Так вот, его немало удивила полоска света, выбивающаяся из-под двери. Сторож решил, что кто-то из актеров просто забыл выключить один из прожекторов. Но, открыв дверь, понял, что ошибся. Сцена была освещена не прожекторами, а расставленными полукругом горящими свечами. Свечи окружали ложе посреди сцены, а на ложе лежал человек. Сторож решил, что это чья-то не слишком удачная шутка, и с порога прокричал лежащему, чтобы он немедленно убрался со сцены. Так как никакой реакции не последовало, сторож направился напрямик к лежащему, но, уже на полпути понял, что здесь что-то не так. Лежащий не шевелился и не подавал признаков жизни, а, приблизившись еще немного, сторож различил на его одежде пятна крови. Ускорив шаги, мужчина подбежал к телу и замер от страха – на ложе лежал мертвый человек, в глазах его застыло выражение ужаса. Все его одеяние было изрезано и заляпано кровью. Одет он, кстати говоря, был в сценический костюм – на нем были камзол, плащ и даже сапоги со шляпой.

– Жертвоприношение театральному божеству? – попытался сосрить Джонни. Взгляд Фокса красноречиво показал, что попытка не увенчалась успехом, потому юноша поспешил исправить положение: – Что показало вскрытие?

– Смерть наступила от раны в сердце, хотя убийца предварительно нанес жертве 4 удара в живот и в грудь. Удар в сердце был завершающим.

– А время смерти?

– Между девятью и десятью часами.

– Что сделал сторож после обнаружения тела?

– Он сразу же выбежал из зала и вызвал полицию. Затем вернулся, предварительно включив освещение и потушив все свечи.

– Зря, там ведь могли быть отпечатки.

– Не думаю, что он думал об этом в тот момент, к тому же вряд ли убийца настолько глуп.

– Он проверил двери, выходящие со сцены в коридоры с гримерными?

– Зажигая свет на сцене, сторож заходил за кулисы. Он уверен, что обе двери были заперты.

– Что насчет личности погибшего?

– Сейчас, – Фокс встал и подошел к разбросанной на полу кучке газетных вырезок, наклонился и безошибочно выудил нужную. Джонни прикинул, что у него самого на поиски маленького клочка бумаги в кипе других, хаотично разбросанных бумажек, ушла бы целая вечность, из чего сделал вывод, что Фокс все же разложил сведения в определенном, Фокс его

знает каком, порядке. Подойдя к племяннику, он протянул ему небольшую записку. В правом углу размещалась черно-белая фотография мужчины средних лет, слегка лысеющего и склонного к полноте, но все еще достаточно привлекательного, с густыми усами и белозубой улыбкой. Вверху значилось: "Погасшая звезда театра "Голден Гейт". Записка гласила: «Энтони Бут, более известный под сценическим псевдонимом Тони Брут, был талантливым актером театра и кино, хорошим товарищем и любящим мужем. Все актерское сообщество опечалено этой кончиной, ибо смерть забрала несчастного как раз в тот момент, когда ему предстояло сыграть в одной из величайших театральных постановок всех времен. Увы, нам с вами больше не суждено увидеть блестящую игру Тони Брута, но мы хотели бы вспомнить наиболее известные его роли, среди которых роли в "Тартюфе", "Севиальском цирюльнике" и "Женитьбе Фигаро"». Дочитав, Джонни вернул записку Фоксу, пометив у себя в блокноте "Тони Брут, биография, узнать!".

– Есть еще какие-то сведения, необходимые мне перед тем, как я отправлюсь? – Джонни взглянул на настенные часы, стрелка которых как раз недавно преодолела отметку в 8 часов. Ему следовало поторопиться, чтобы успеть привести себя в порядок и вовремя приехать к зданию театра, до того, как начнется репетиция.

– Нет, все необходимое ты уже знаешь, к тому же, мне и самому известно немногим больше. Полиция пока что не предоставила мне отчеты о допросе свидетелей, хотя, это всего лишь вопрос времени. Тем не менее, допросы полиции – это одно, а мне нужны твои глаза и уши.

– Моя задача – допросить всю труппу?

– Пока ограничимся сторожем, режиссером и семьей погибшего. К труппе перейдем уже после того, как я получу доступ к полицейским отчетам.

– Инспектор Гоффри все еще злится на меня за тот случай в собачьем приюте?

– Думаю, он вспоминает о тебе всякий раз, когда садиться на стул. Ах да, вот еще. Когда покончишь с родственниками погибшего, возвращайся в театр, думаю, к тому времени они как раз сделают перерыв. Мне нужно, чтобы ты внимательно осмотрел помещение театра. Вдоль и поперек. Особенно тщательно осмотри сцену и зрительский зал

– Я ищу что-то конкретное?

– Сам не знаю... – Фокс задумчиво наматал краешек усов на указательный палец. – Просто вдруг здание сможет нам хоть что-нибудь поведать?

Глава 2

Наспех одевшись, Джонни поспешил выбраться из дома, пока Фоксу не пришло в голову спуститься на кухню и посмотреть, не приготовил ли племянник чего-нибудь вкусенького на завтрак. Джонни, увы, не только не приготовил, но и весьма ощутимо опустошил холодильник, а именно до состояния "Мышь в холодильнике повесится не смогла, так как с голодухи уже схрумкала свой хвост". А попасть под руку голодного Фокса – перспектива не из приятных. Потому Джонни бодро шагнул вниз по Ломбард-стрит. Дождь, к счастью, прекратился, но небо над Сан-Франциско было все так же затянуто тучами. Добравшись до стоянки, Джонни не стал терять времени даром и сразу же сел за руль дядино кадиллака. Черный автомобиль только вчера побывал в автосервисе и на мойке, потому покрытие аж сверкало чистотой. Юноша завел мотор и мысленно попросил доброго дядюшку на небесах немного повременить с дождем, иначе Фокс сделает из него котлету, а Джонни отнюдь не улыбалась перспектива быть принесенным в жертву в наказание за заляпанный бампер.

Здание театра Голден Гейт располагалось на углу Голден Гейт-авеню и Тейлор-стрит, в 15 минутах езды от Ломбард-стрит, но, как назло, сегодня в Кафедральном соборе Грейс была свадьба, потому угол Калифорнии- и Джонс-стрит был перекрыт, и Джонни был вынужден ехать в объезд по Ливенворт-стрит. Но настроение ему испортила не необходимость объезда, а факт расположения театра на Голден Гейт-авеню. Да и само названия театра Голден Гейт

вызвало у Джонни не самые приятные ассоциации с другим делом, которое им с Фоксом не так давно довелось расследовать.

– Золотой меня преследует, – пробормотал себе под нос Джонни. – Не удивлюсь, если я в прошлой жизни был проклят самим Румпельштильхсеном.

Обуреваемый невеселыми думами, Джонни припарковал автомобиль на стоянке напротив здания театра. Это было семиэтажное угловое здание, и театр занимал пространство нижних этажей. Верхушку здания увенчивал шпиль, а само оно было выкрашено в золотисто-бежевый цвет. Джонни скривился и недовольно фыркнул, но все же заставил себя выйти из машины и направиться ко входу в театр. Над дверью помещалось табло с афишей предстоящего спектакля. На черном фоне алыми буквами сверкала надпись «"Макбет". Премьера. Ждём вас завтра в 19-00». Джонни взглянул на свои наручные часы: было без четверти девять, он добрался даже раньше, чем планировал. Подойдя ко входу в театр, Джонни потянул на себя дверь и спокойно вошел внутрь. Помещение не было опечатано, что было весьма странным, ибо преступление произошло всего несколько дней назад, но, видимо, режиссер настоял на этом ввиду скорой премьеры спектакля. Справа от входа в огороженной кабинке сидел сторож, увидев Джонни, он было поднялся и направился к нему, но юноша пальцем постучал по циферблату часов и наугад ткнул пальцем на открытую дверь впереди, из чего сторож, видимо, сделал вывод, что Джонни опаздывает на репетицию, потому сел обратно на стул и вернулся к чтению газеты. Юноша, решив, что допросит сторожа после, направился напрямиком к открытой двери. Несложно было догадаться, что дверь эта ведет в основной театральный зал. Войдя внутрь, Джонни на мгновение замер. Он отродясь не бывал в театре, а если и бывал, то в далеком детстве и уж точно не по своей воле, но увиденное даже у него вызвало благоговейный трепет. Он оказался в большом, просторном зале с высоким, многоярусным потолком. Стены были выполнены в золотистых тонах, тут и там виднелась искусная лепка, украшавшая не только стены, но так же колонны и потолок. Первым делом Джонни обратил внимание на сцену – она была прямо напротив двери. Высокий деревянный помост, по бокам ступени. Сложно представить, что через несколько дней это место будет способно перенести зрителя в совершенно иной мир, стоит только подняться занавесу. Сейчас тяжелый, темно-бардовый бархат занавеса был поднят, на сцене велись работы по установке декораций. Сцену полицейские так же не опечатали. "Ох уж эти фараоны, ничего толком не могут сделать. Это же место преступления, как никак!" – про себя возмутился Джонни, продолжая осматриваться. Прямо перед сценой размещались ряды бардовых удобных кресел, такие же кресла ярусами уходили вверх, верхние ряды практически достигали потолка. Джонни даже не мог себе представить, сколько зрителей помещается во время аншлага. Сейчас зал был освещен, но Джонни без труда представил себе сцену, освещенную лишь светом свечей и ужас, испытанный сторожем в ночь убийства.

Сейчас же какой-то мужчина давал указания рабочим сцены. Джонни уверенно направился к ним. Приблизившись к сцене, ему удалось повнимательнее рассмотреть режиссера (а в том, что это был именно он сомневаться не приходилось). Это был высокий привлекательный мужчина, лет 45, но стройный и подтянутый. Его густые черные волосы локонами падали на плечи, седина коснулась лишь висков, слегка посеребрив их. Одет он был в джинсы и простую белую рубашку с закатанными рукавами, которая резко оттеняла его смуглую кожу. В его манере держаться, во всех его движениях сквозили уверенность и авторитет, было видно, что человек этот привык руководить другими. Когда Джонни подошел совсем близко, мужчина наконец заметил его. Движением руки он отпустил работников и резко повернулся к Джонни:

– Утро доброе, я могу вам чем-нибудь помочь? – говорил он с легким акцентом, не то итальянским, не то испанским, Джонни затруднялся сказать наверняка.

– Здравствуйтесь, – Джонни поднялся на сцену и протянул руку для рукопожатия, – Меня зовут Джонни Траст, я работаю на мистера Фокса, он частный детектив.

– Увы, не слышал, впрочем, я догадывался, что за дело возьмется не только полиция – режиссер пожал протянутую руку, и Джонни отметил, что хватка у него была железная. – Луис Ортега, режиссер-постановщик.

"Ага, значит, все же испанец", – подумал Джонни, еще раз оглядев Луиса Ортега с головы до ног. В целом он производил положительное впечатление, но во всем его облике сквозила уверенность и сила. Режиссер, в свою очередь, смотрел на Джонни оценивающе, отчего у последнего возникло ощущение, будто режиссер мысленно прикидывал, какая роль бы ему подошла. Как будто в ответ на его мысли, Луис Ортега засмеялся и заметил:

– Вы уж извините, что я так пристально вас изучаю. Просто у вас такая яркая внешность, а у меня профессиональная привычка при знакомстве с человеком с первых же минут вообразить его в определенном амплуа.

– И в каком же амплуа вы видите меня?

– Ланселот, Тристан, Айвенго, возможно даже сам Ричард Львиное Сердце. Одним словом – рыцарь. В сияющих доспехах, конечно же, – Луис Ортега вновь рассмеялся, обнажив ряд ровных белых зубов. Его улыбка и смех обезоруживали, хоть и не слишком вязались с образом властного командира. – У вас очень открытое лицо, вызывающее доверие, а развитое телосложение и высокий рост как раз подошли бы средневековому рыцарю. Вам бы лишь надеть кольчугу – и вуаля, можно сразу на сцену.

– А в школе я играл лишь Винни-Пуха, – ответил Джонни, – эх, проглядели учителя скрытый во мне потенциал. – Решив, что беседа слегка затянулась, Джонни перешел к делу: – Мистер Ортега, я здесь по поручению моего патрона, мы расследуем убийство.

– Да, бедняга Тони, для нас всех это невосполнимая утрата. Он был очень талантливым актером. Я вправду хотел бы помочь расследованию, но боюсь, что я бессилён. Всё, что мне известно, я уже рассказал полиции.

– Мы уже ознакомились с полицейскими отчетами, – соврал Джонни. – Но меня не интересует, где вы были и что делали в момент убийства. Я здесь для того, чтобы узнать от вас о личности убитого.

Джонни понадеялся, что полицейских интересовали лишь данные, непосредственно касающиеся событий, происшедших в день убийства. К счастью, его надежды оправдались, и Луис Ортега охотно согласился ответить на все вопросы, если это поможет следствию.

– В каких отношениях вы были с убитым? – задал Джонни первый вопрос. Он достал блокнот и ручку, решив сегодня в угоду Фоксу таки попользоваться допотопными подручными средствами.

– Конечно же в хороших, я со всеми членами труппы нахожусь в дружеских отношениях, у нас замечательный коллектив!

– Расскажите мне о нем. Давно он в труппе? Кто из актеров был с ним близок? Возникали ли конфликты?

– Что ж, – Луис Ортега задумчиво потер подбородок. – О Тони я могу сказать только хорошее. И "De mortuis aut bene aut nihil" здесь ни при чем. Прошу прощения, это латынь...

– О мертвых либо хорошо, либо ничего. Не извиняйтесь, я вас понял, продолжайте.

– Так вот, Тони был удивительно добрым и компанейским человеком, он с кем угодно мог найти общий язык. Не представляю даже, кто мог желать его смерти.

– Это-то мы и пытаемся выяснить. Но все же, расскажите о его отношениях с коллегами.

– Тони был одним из старожиллов труппы, он с нами почти со времен ее основания. Я обратил на него внимание еще в театральной академии, я тогда сам был очень молод, преподавал на кафедре и даже не помышлял о создании собственной труппы. Тони и помог мне создать нашу труппу, без него у меня ничего бы не вышло. Он всегда приходил на помощь младшему поколению, давал уроки актерского мастерства. Насчет его отношений с остальными – могу сказать наверняка, что врагов у него не было. У него был настоящий дар – со всеми нахо-

дить общий язык. В спорах всегда соблюдал нейтралитет, часто его даже просили выступить посредником. В таких случаях он старался внимательно выслушать обе стороны и справедливо рассудить. Он всегда выступал в роли миротворца, сам конфликтов избегал.

– А с кем он общался наиболее тесно?

– Да со всеми одинаково. Хотя... – он на секунду запнулся. – За последние пару месяцев он очень сблизился с Джеймсом. Хотя он в труппе не так давно, но это наша восходящая звезда. Да, вам следует поговорить с ним, поскольку, несмотря на недолгое время знакомства, они успели стать лучшими друзьями. Разве что недавно... – режиссер замолчал.

– Продолжайте, – Джонни увидел, что он колеблется.

– Да нет... Пустое...

– Обычно то, что на первый взгляд кажется незначительным, и является ключом к истине.

– Понимаете, вот буквально недавно, между ними будто черная кошка пробежала. За последнюю неделю я почти не видел их вместе. Общались они только на сцене. Но я не думаю, чтобы это было настоящей ссорой. Скорее так, временные разногласия.

– Вы не знаете, что послужило причиной?

– Наверняка – нет, но догадываюсь.

– И что же?

– Не что, а кто. *Cherchez la femme*, прошу прощения, ищите женщину, как метко сказали французы.

– И кто эта Елена Троянская?

– Бьянка Руссо. Наше сокровище. Потрясающе талантливая актриса.

– Вы говорите обо всех актерам с такой теплотой...

– А в театре по-другому нельзя. Все мы – одна большая и невероятно дружная семья...

– не успел он закончить предложения, как раздался женский крик:

– Да ты просто идиот! Удивляюсь, на кой черт тебе голова? Одна извилина, да и та только, чтоб уши держались.

За разговором Джонни и Луис Ортега не заметили, как зал постепенно наполнился актерами. Сейчас все они стояли перед сценой. Крик раздался справа от сцены, там стояло двое молодых людей. Девушка повернулась спиной к парню и всем своим видом демонстрировала нежелание продолжать беседу.

– Видимо, я поторопился с выводами, – сказал режиссер, глядя в их сторону. В его тоне прозвучала грусть.

– Не смею вас больше задерживать, вы и так уделили мне слишком много времени. Благодарю за помощь, – Джонни протянул режиссеру руку.

– Надеюсь, что сведения принесут хоть какую-то пользу, – Луис Ортега ответил на рукопожатие. – Было приятно с вами познакомиться.

Джонни улыбнулся и направился к ступенькам, ведущим со сцены. Но режиссер окликнул его:

– Пойдите, я представлю вас труппе. Друзья, это частный детектив Джонни Траст, он расследует убийство бедняги Тони.

– Скорее помощник, – Джонни сделал шаг вперед, – я работаю на детектива Фокса.

Актеры зашептались, все с любопытством посматривали на Джонни. Ведь не каждый же день в театре расследуют убийство.

Когда шум стих, Джонни продолжил:

– Я не хочу мешать вам репетировать, тем более что мистер Ортега уже ответил на все мои вопросы, потому сейчас я никого опрашивать не буду. После окончания репетиции я поговорю с теми, с кем необходимо, и, если можно, я так же хотел бы осмотреть зал, – произнеся последние слова, Джонни мельком оглядел всех стоящих внизу актеров, остановив взгляд лишь на девушке, что назвала своего партнера идиотом. Заметив, что на нее смотрят, она не

отвела взгляда, а наоборот, посмотрела Джонни прямо в глаза. На секунду Джонни забыл, где он находится, настолько завораживающими был этот взгляд. Из оцепенения его вывел голос режиссера:

– Мы все заинтересованы в том, чтобы найти убийцу Тони, потому я прошу всех вас оказывать мистеру Трасту помощь в расследовании, – он повернулся к Джонни: – Возвращайтесь к двум, мы в это время как раз делаем перерыв, так что вы сможете осмотреть все помещение. Я буду здесь и смогу помочь вам с поисками.

– Спасибо вам, – Джонни искренне улыбнулся, – вы облегчите мою задачу.

Юноша спустился со сцены и уже было направился к выходу, когда дорогу ему преградила та самая девушка. "Да что ж за напасть-то такая!" – мысленно выругался Джонни. Сам не зная почему, он внутренне напрягся. Рядом с этой девушкой он чувствовал необъяснимое смущение и робость. Она подошла вплотную. Джонни глубоко вздохнул и смело взглянул на нее. К его величайшему удивлению девушка оказалась вполне обычной. Теперь он и сам не мог сказать, чем же его так привлекла эта особа. Обыкновенная девушка, таких сотни на улицах Сан-Франциско. Невысокого роста, стройная и миниатюрная брюнетка. Ничего особо примечательного. Одета просто, можно даже сказать небрежно: темная майка, поверх нее расстегнутая рубашка в клетку, на ногах – шорты и грубые ботинки. Встреть ее Джонни в любом другом месте – никогда бы не сказал, что она актриса. Лицо миловидное, но не более. Кучерявые волосы собраны в хвост на затылке, на лице ни грамма косметики. Джонни решил все же нарушить неловкое (для него, так точно), молчание:

– Вы, наверное, слышали, я Джонни Траст, расследую убийство.

– Мария Росс, очень приятно.

– Вы хотите мне что-то сообщить? – Джонни рискнул вновь взглянуть ей в глаза. И наконец понял, в чем же секрет ее притягательности. Взгляд. Она смотрела собеседнику прямо в глаза, не отрываясь, и глаза её были такими необычными, что напомнили Джонни два изумруда. "Боже, что за глупые мысли лезут мне в голову?!" – ему самому стало стыдно за подобное сравнение.

– Да. Я могу назвать вам имя убийцы, – нет, Джонни, конечно, готов был услышать что-то из ряда вон, но чтоб прям такое! Он на мгновение опешил.

– Что, простите?

– Вы не расслышали? Я хочу показать вам виновника преступления. Это сэкономит ваше время и избавит труппу от вашего присутствия на репетиции, – Джонни было подумал, что девушка шутит, но на лице ее не было и тени улыбки. Видя, что он не воспринимает ее слова всерьез, она быстро заговорила: – Вы же должны понимать, что убийство в театре напрямую связано с самим театром, то есть с актерским коллективом. Тони убили, это ясно, и убил не кто-то посторонний, а человек из труппы. Нашей труппы. И этот мерзавец должен поплатиться. Тони был мне, как отец. Я знала его лучше, чем кто-либо из них, – она повернула голову в сторону сцены. Джонни на мгновение показалось, что он уловил в ее взгляде презрение. – И я не хочу, чтобы его убийца почивал на лаврах.

Джонни наконец удалось прервать поток её речи:

– Так вы обвиняете кого-то конкретного?

– Да. Взгляните туда, – не таясь, она указательным пальцем показала на мужчину. В этот момент он как раз что-то обсуждал с режиссером.

– Кто это?

– В том-то и дело, что вернее всего было бы ответить – никто. Его зовут Энди Дживс, он просто бездарность. Пустое место, пятый гриб в третьем ряду во втором составе. Ни таланта, ни способностей, мешок с деньгами. Он просто купил себе место в труппе, а Ортега обращается с ним, как с полноценным членом нашей семьи. Я говорила ему, чтобы он не брал его. Пыталась

предупредить, что ничего хорошего из этого не получится. Но Луис не послушался. Никто из них не желает меня слушать!

– Погодите секунду, успокойтесь! – Джонни попытался утихомирить Марию Росс, так как та распалилась не на шутку. Девушка прерывисто дышала, от злости она сжала кулаки, будто собиралась ринуться в бой. В глазах пылало настоящее пламя, не предвещающая ничего хорошего. Джонни не мог понять, то ли она так вошла в роль, и не может выйти, но с какой целью разыгрывается спектакль, ведь они не на сцене; то ли это ее обычная манера вести себя. Говорила она громко, и их беседа начинала привлекать внимание. Джонни взглянул в сторону Луиса Ортега, ожидая, что он отзовет от него мадам-фурию. Но режиссер по-прежнему продолжал говорить с Энди Дживсом и пока что не обращал на них внимания. Джонни понял, что придется справляться в одиночку, потому тяжело вздохнул и попытался хоть что-то извлечь из вышесказанного: – Если честно, я ничего не понимаю. Вы обвиняете этого человека в убийстве просто потому, что он, как я понял из ваших слов, плохой актер?!

Казалось, его вопрос показался ей наиглупейшим, из того, что она когда-либо слышала. Мария Руссо взглянула на Джонни так, как смотрят на очень несообразительного ребенка. Джонни совсем не понравился этот взгляд, в последний раз так на него смотрела только мать родная, да и то в глубоком детстве.

– Вы что, совсем меня не слушали? Я же сказала, что убийца – Энди Дживс! Что же здесь непонятного?

– У вас есть хоть какие-то доказательства его вины? Помимо отсутствия у него таланта.

– Ну конечно! Ведь смерть Тони открыла перед ним все двери. Теперь, у Ортега нет иного выхода, кроме как дать ему столь желанную роль.

– Погодите, – до Джонни наконец дошел смысл её слов. – Это получается, что Энди Дживс – как это у вас называется – замена погибшего?

– Да, он его дублер! – выпалила она. Её глаза засверкали еще ярче (Джонни не думал, что это возможно, но, видимо, ошибся). – Что же тут непонятного?! Спектакль – событие года, соберется столько зрителей, на премьере будут члены Академии искусств, это шанс для любого актера показать себя. А у Тони была главная роль. Сцена в покоях просто потрясающая! Это настоящая сенсация, такой накал страстей!!! Ярчайший образ. И Тони был просто великолепен, это была его роль!.. – она сделала глубокий вдох, эмоции переполняли ее. Потом медленно выдохнула: – А теперь на его месте будет это бревно на ножках, этот ноль без палочки – она вновь ткнула пальцем в Энди Дживса. В этот момент он как раз повернулся, и Джонни удалось его рассмотреть. Невысокий, приземистый мужчина, он принадлежал к тому типу людей, возраст которых на глаз определить было невозможно. Больше двадцати, но меньше пятидесяти, точнее сказать нельзя. Жиденькие светлые волосы, невыразительные черты лица, с виду человек этом так же походил на актера, как Джонни на куклу Барби. Хотя, возможно, и того меньше.

– Что ж, в чем-то вы правы, – неохотно согласился Джонни, – внешность у него не самая яркая. Но, возможно, вы относитесь к его актерской игре предвзято?

– Да какая уж там актерская игра?! Ею даже и не пахнет! Он постоянно переживает, рвет кулисы, да сопли на кулак наматывает.

– Что, простите?

– Да переигрывает он! Причем везде. А уж про сцену в спальне я вообще молчу. Кричит, как раненая свинья, а там стоит лишь с надрывом прохрипеть... Да, впрочем, это неважно. Главное – вы должны арестовать этого человека! – она вновь сжала кулаки. Видимо, этот жест намертво к ней пристал.

– Вы хотите, чтобы я арестовал человека просто за то, что он дублер погибшего?!

– Но это ведь он убил Тони! Больше просто некому. Кому нужно было убивать его? У Тони не было врагов, он был самым добрым и хорошим из всех, кого я знаю. Господи, за что мне это?! Почему ты забираешь всех, кого я люблю?! – видимо, за последние дни она слишком

много пережила, и сейчас нервы ее просто-напросто не выдержали. Мария Руссо закрыла лицо руками и разрыдалась. Джонни неловким движением обнял её за плечи, она уткнулась носом ему в грудь.

Теперь вся труппа смотрела в их сторону. В зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь всхлипами девушки. Наконец, их заметил и режиссер. Он удивленно воззрился на Джонни и Марию и воскликнул:

– Бьянка, как это понимать?!

– Бьянка? – тихо переспросил Джонни.

– Сценический псевдоним, – так же тихо ответила Мария Руссо. Она отстранилась от Джонни, рукой вытерла слезы и, повернувшись к Луису Ортега, теперь уже громко ответила:

– Прости, Луис, я что-то разволновалась.

– Но из-за чего? – режиссер переводил взгляд с Марии на Джонни и обратно.

Джонни не дал Марии ответить:

– Молодая леди хотела узнать, как продвигается расследование убийства. А я немного задержал ее, чтобы задать несколько вопросов. К сожалению, я затронул болезненную тему, да и последние дни выдались для девушки слишком тяжелыми, как физически, так и морально. Но теперь всё в порядке, слёзы – лучшее лекарство от переживаний.

Мария с удивлением взглянула на Джонни, но тот взглядом дал ей знак молчать. К счастью, девушка не стала протестовать и просто кивнула. Это объяснение, видимо, вполне удовлетворило режиссера.

– Ну что ж, в таком случае, нам давно пора начинать репетицию. Уже десять, а мы должны прогнать пьесу от начала до конца хотя бы несколько раз.

Мария Руссо вопросительно взглянула на Джонни.

– Не волнуйтесь, я поговорю с Энди Дживсом во время перерыва, – тихо, чтобы услышала только она, ответил он. Девушка кивнула и молча направилась к сцене. Джонни провожал её взглядом, силясь понять: можно ли верить её словам?

Глава 3

Выйдя из зала, Джонни двинулся напрямик к сторожу. Тот не покидал своей застекленной каморки и все так же продолжал читать газету. "Уж не уснул ли он там, часом?", – подумал Джонни, в уме прикидывая, где бы раздобыть духовой оркестр, чтобы разбудить такую образину. Сторож был очень крупным, даже тучным мужчиной в годах, одетым в специальную черную форму, которая, увы, была ему слегка не по размеру. А сидячая работа, как известно, не способствует улучшению физической формы. Джонни подошел вплотную к стеклянной двери и, после минутного колебания, громко постучал. Как и следовало ожидать, это не возымело эффекта – Джонни был прав, разбудить сторожа оказалось задачей не из легких. Уже занеся кулак для повторной попытки, Джонни вдруг осенило: "Да ведь это мой шанс!". Оглядевшись по сторонам, он тихонько приоткрыл дверь и вошел. Помещение было тесным, сторож занимал собою все пространство. Чувствуя себя килькой, помещенной в одну банку с китом-касаткой, Джонни все же протиснулся к столу. Сторож спал богатырским сном, что буквально значило – что мне шум, что мне звон, вижу я десятый сон. Благо только не храпел, что было удивительно, учитывая его комплекцию. Тем не менее, Джонни действовал осторожно. На стене справа была прибита доска, на ней в ряд висело несколько ключей с номерами на них, но они не говорили Джонни ровным счетом ничего. Потому, наклонившись над столом, он стал искать вахтенный журнал. Там было всё, что душа пожелает – от конфетных фантиков до недоеденного пончика – кроме искомого предмета. "Конечно, что же еще нужно растущему вширь организму? – задал Джонни себе риторический вопрос. – И почему пончики не могут давать показания? Они бы многое могли поведать". Раз на столе журнала не было, он должен был быть в одном из ящиков. Но тут возникло препятствие – ящики загораживало спящее тело. Джонни осторожно приподнял руку сторожа. Он даже не шевельнулся. Тогда медленно и осторожно, Джонни начал ото-

двигать стул (благо, тот был на колесиках) со сторожем в сторону. "Транспортировка тушки выполнена успешно", – поздравил себя Джонни и открыл верхний ящик стола. Наспех просмотрев бумаги, в основном старые театральные брошюры и концертные программки, Джонни перешел ко второму ящику. Тут были платежки за коммунальные услуги, разные отчеты и чеки. Наконец, в третьем ящике обнаружился внушительный блокнот в толстой обложке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.